

## КАРТИНЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ОСТРОГОЖСКИХ ЧЕРКАС ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА: ТРИ ПОКОЛЕНИЯ СЕМЬИ КОЛБИНЫХ\*

В. М. Брезгунова

*Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 25 марта 2020 г.

**Аннотация:** *статья посвящена рассмотрению материального состояния, участия в общественной жизни, спорах и конфликтах отдельно взятой семьи черкас Колбиных – переселившегося в 1652 г. в Острогожск Федора Васильевича Колбина и его потомков, которые к 1697 г. стали крупнейшими землевладельцами Острогожского уезда. На их примере показаны некоторые стороны повседневной жизни острогожских черкас во второй половине XVII в.*

**Ключевые слова:** *Воронежский край, Острогожск, черкасы, история повседневности, Федор Колбин, Острогожский полк, XVII в.*

**Abstract:** *the article is devoted to the analysis of prosperity, participation in social life and social conflicts of Kolbin family – cherkassy's family of Fyodor Vasilievich Kolbin, who settled in Ostrogzhsk in 1652 and his descendants. Fyodor Kolbin's descendants became one of the largest landowners of Ostrogzhskuyezd, their example illustrates some sides of Ostrogzhsk cherkassys daily life in the second half of the XVII century.*

**Key words:** *Voronezh region, Ostrogzhsk, cherkassys, history of daily life, Fyodor Kolbin, Ostrogzhsk regiment, XVII century.*

В последние годы исследование повседневной жизни различных слоев населения в разные эпохи стало одним из самых востребованных и распространенных направлений исторической науки. Предметом изучения «истории повседневности» выступают сферы человеческой обыденности во множественных историко-культурных, этнических, политико-событийных и конфессиональных контекстах [1, с. 149]. Многообразие повседневной жизни определяет тот широкий круг тем, который рассматривают исследователи, привлекая этим внимание не только научного сообщества, но и всех читателей, интересующихся историей. Это определяет несомненную научную актуальность и востребованность работ по истории повседневной жизни, но при этом можно отметить очень интересную историографическую особенность – много статей и монографий раскрывают содержание и структуру повседневности населения СССР, Российской империи в XIX – начале XX в., в то время как таких же работ, касающихся XVII–XVIII вв., уже гораздо меньше. Это объясняется, с одной стороны, меньшим количеством источников, которые бы это отражали, с другой стороны, сложностью их анализа и интерпретации. Например, в сфере изучения повседневной жизни населения Юга России в XVII в. историками были предприняты

только первые шаги – это работы А. А. Гоголевой [2], Д. А. Ляпина [3–5], Ю. А. Мизиса [6], В. Н. Глазьева [7; 8], и эта сфера научного знания, безусловно, требует дальнейшего углубления и расширения.

Во второй половине XVII в. большинство населения в уездах Белгородского разряда (юго-восточные уезды России) составляли дети боярские, копейщики, рейтары, солдаты, драгуны, станичники, стрельцы, казаки, пушкарки и служилые черкасы [9, с. 20]. Последняя из перечисленных категорий – служилые черкасы – появилась в Воронежском крае с конца 1630-х гг., когда они – выходцы с украинских земель Речи Посполитой – после пересечения границы принесли присягу и впервые были размещены здесь правительством. Необходимо уточнить, что термин «черкасы» закрепился в официальных российских документах и стал самоназванием переселенцев из Днепровского Левобережья в Россию в XVI–XVII вв. [10, с. 561]. Черкасы, став частью служилого населения края, начали активно участвовать не только в походах, военных операциях и строительстве оборонительных сооружений, но и в хозяйственной деятельности. Они наделялись землей на обычном служило-надельном праве, как и русские приборные чины, вместе с ними и на одинаковых с ними условиях [11, с. 148]. Таким образом, черкасы получали различные земельные угодья, а также «рыбные ловли», право заниматься торговлей и винокурением.

Источников, которые бы касались повседневной жизни черкас Воронежского края, к сожалению, не

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00313 А.

© Брезгунова В. М., 2020

слишком много, как правило, это челобитные черкас и переписка местных администраторов, затрагивающая земельные или бытовые конфликты. Именно из этих документов можно извлечь информацию о материальном положении и денежных отношениях в черкасской среде, а также о карьерном росте и наследовании имущества. Одна из самых сложных задач – найти документы, которые касались бы жизни и быта одной семьи, а не представляли собой разрозненные сведения, из которых невозможно собрать общую картину. В фондах Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Воронежской области нами были обнаружены упоминания о черкасском сотнике Федоре Васильевиче Колбине и его семье. Цель данного исследования – отследить и проанализировать изменения в материальном состоянии, участие в общественной жизни, спорах и конфликтах отдельно взятой семьи, показав таким образом на их примере некоторые стороны повседневной жизни острогожских черкас во второй половине XVII в.

В Острогожске черкасы впервые были размещены в 1652 г. [12]. В это же время, вместе с перешедшим на русскую службу полком, в Острогожске поселился сотник Федор Васильевич Колбин, который в источниках именуется по-разному: Федор Васильев, Федор Колба, Федор Колбин. На наш взгляд, наиболее корректно будет именовать его Федором Колбиным, потому что именно эта фамилия закрепилась как за его потомками, так и в географических названиях Воронежского края. В материалах по истории Воронежского края издано «Дело по челобитью Острогожского полковника Ф. Сербина с казаками» 1678 г. – и это первый источник, касающийся земельных и межвых споров, из которого мы можем извлечь информацию о материальном положении Федора Колбина, упоминающегося там как один из обидчиков острогожских черкас.

В этом документе указано, что в 1652 г. Колбин получил вместе с остальными острогожскими сотниками и рядовыми земельные угодья: «в Розряде по Острогожским строенным книгам Федора Арсеньева 161-го году дано нововизжим черкасом полковнику и сотником и казаком тысячи человеком пашенние и погородние и отиезжие земли восемь тысяч двести двадцать четыре четверти в поли, а в дву по тому ж» [13, № 349, с. 723]. Таким образом, в среднем на каждого черкаса приходилось примерно по 8 четвертей земли в поле, но можно предположить, что у Федора Колбина как у сотника земельный надел был несколько больше. Так, В. М. Вазинский отмечал близкое сходство землевладения черкас и приборных служилых людей и приводил сведения о том, что дачи сотникам чаще всего составляли 30 четвертей [10], но Федором Колбиным, как мы узнаем дальше, была

получена в пользование пашня в 15 четвертей. В 1671 г. (1671/72) Колбин, как можно предположить, все еще сотник Острогожского черкасского полка, подал челобитную, и ему вместо годового денежного жалования была дана на реке Потудани в безоборочное владение мельница, «да к мелнице в прибавку ко Острогожской дачи пятнадцати четвертям на пашню ж земли дватцать четвертей» [13, № 349, с. 724]. Таким образом, в распоряжении сотника Колбина оказались 35 четвертей пашенной земли и мельница, что было достаточно прибыльно, но, как следует из приведенных нами далее сведений, сотнику этого было недостаточно.

В дальнейшем служебное положение Федора Колбина резко меняется – он подает челобитную, и 20 июля 1677 г. по царскому указу «ему ж Федору за ево ж службу и для иноземчества написан помесной уклад триста четвертей, денег десять рублей» [там же, с. 725]. В Воронежском крае случаев записи переселенцев-черкас в дети боярские пока нами выявлено всего два – вышеназванный случай Федора Колбина 1677 г. и более ранний – 1644 г. Тогда в Ольшанске 17 переселившимся в город черкасам было велено «служить в детях боярских по Ольшанскому острогу», а также даны земли для хозяйства и пашни, но, к сожалению, в источнике не указано точное их количество [14, № 722, с. 1609]. Чтобы понять, насколько состоятельным человеком стал Федор Колбин после получения поместного и денежного окладов, необходимо сопоставить их с данными об окладах детей боярских, приведенными в литературе. Е. В. Камарули, анализируя материалы Воронежского уезда, пришла к выводу, что оклады служилых людей были невелики – в 1621/22 г. 157 человек были поверстаны поместными окладами от 100 до 300 четвертей (с шагом в 50 четвертей), в 1632 г. 60 человек – от 70 до 250 четвертей, в 1638 г. 29 человек – от 100 до 200 четвертей [15, с. 77]. Также нами были встречены данные о новичных поместных окладах дворян и детей боярских – они колебались от 40 до 150 четвертей земли, а их денежные оклады соответственно варьировались от 3 до 12 рублей в год [16, с. 157]. О детях боярских Острогожского уезда А. А. Гоголева пишет, что они владели поместной землей от 10 до 45 четвертей в деревне Завершней и в тех же селах, что и солдаты [11, с. 30].

При сопоставлении поместный оклад Федора Колбина в 300 четвертей земли представляется весьма крупным, а если сравнивать с острогожскими показателями – максимальным в уезде. Кроме того, не совсем ясно, что стало с 35 четвертями земли, которые были даны Колбину как сотнику Острогожского черкасского полка, но представляется вполне возможным то, что они каким-то образом все же оставались в его распоряжении и после смены слу-

жебного положения. Также частью его материально-го благополучия становится денежный оклад сына боярского в 10 рублей и построенная на реке Потудани мельница, находившаяся в его безоборочном владении, хотя есть упоминания о том, что на самом деле Колбин построил на черкасской земле не одну, а две мельницы [там же, с. 68], что не прослеживается дальше по источникам.

Прояснить причины записи Федора Колбина в июле 1677 г. в дети боярские пока возможным не представляется, более того, используемая в документе формулировка «за ево ж службу и для иноземчества» вызывает еще больше вопросов, так как при работе с челобитными черкас Воронежского края можно очень часто встретить описание успешно выполненных ими поручений и служебных достижений, при этом все переселенцы для российской администрации были «иноземцами». А. А. Гоголева отмечает, что черкасы могли быть записаны на службу на места русских служилых людей, но единственный приводимый ею пример – это Федор Колбин, он, по ее сведениям, в 1676/77 г. числился среди дворовых детей боярских [там же, с. 112]. Запись черкас в дети боярские в Ольшанске в 1644 г. также представляется уникальной, но там ее можно объяснить проблемами комплектования построенного на Белгородской черте города, когда недостаток людей подталкивал администрацию на поиск новых путей наполнения гарнизона. Складывается впечатление, что Федор Колбин каким-то образом смог проявить себя, за что и получил такое пожалование, ведь даже при недостатке людей в 1677 г. в Острогожске могли записать в дети боярские другого человека из русских или черкас.

Также в июле 1677 г. воевода Коротояка Иван Александрович Маслов и острогожский полковник Иван Семенович Сасов получили из Москвы грамоты по челобитной Федора Колбина. Им предписывалось съехаться у его мельницы на Потудани с коротоякскими и острогожскими жителями, чтобы выделить Колбину «животинной прогон, которым местом от мелницы на пашенную землю животину гоняти» [13, № 349, с. 725]. Воевода и полковник призваны были урегулировать конфликт, который явно назревал между коротоякцами, острогожскими черкасами и Колбиным, так как он владел мельницей, построенной на черкасской земле, в то время как был записан в острогожские дети боярские и выбыл с места полкового сотника. Но сразу же нужно отметить, что построенная на Потудани мельница, несмотря на недовольство черкас, будет находиться во владении не только Федора Колбина, но и его потомков.

Можно предположить, что Колбин, сменив и значительно повысив свой служебный статус – записавшись в дети боярские, – не отказался от полу-

ченных в бытность свою полковым сотником благ и пытался сохранить не только приобретенное имущество, но и претендовал на одну из самых важных черкасских привилегий – право винокурения. В 1680 г. острогожские полковые черкасы подали царю Федору Алексеевичу челобитную с жалобой на острогожских воевод и других лиц, причиняющих им убытки и притеснения [17, № 668, с. 1512–1513]. В их числе оказался и Федор Колбин, которому, как написали черкасы, нужно запретить «теми нашими промисли промишлять: винокурню, солодовню и броварь держать в кружки в чарки шинковать». Таким образом, кроме денежного оклада и доходов от земли и мельницы Колбин также занимался и винокурением. Было бы очень интересно узнать, каков же был общий уровень благосостояния бывшего сотника, но, к сожалению, такой информации в источниках не сохранилось. Можно предположить, что объемы винокурения его хозяйства были достаточно велики, так как полковые черкасы подали против него челобитную, явно будучи недовольными такой конкуренцией.

Обращает на себя внимание позиция Федора Колбина, которая просматривается во всех его имущественных конфликтах – после переселения в Острогожск он пользуется всеми черкасскими правами и привилегиями, является частью полка, сотником полковых черкас, который должен быть не только должностным лицом, но и знатоком военного дела, честным и порядочным человеком, заботящимся об интересах черкас. В то же время он, руководствуясь личными амбициями, постоянно стремится к улучшению своего благосостояния, постепенно отделяя себя от других полковых черкас. После записи в дети боярские Колбин полностью уходит из полка, но не перестает заниматься винокурением и оказывается в числе тех людей, которые приносят полковым черкасам «убытки и притеснение». Как справедливо отметил Д. А. Ляпин в исследовании о формах поведения сельского населения Юга России в XVII в., принципы общинности и коллективизма были важнее частного интереса в распашке земель и организации обороны, но они легко распались, если в частной жизни личный интерес выходил на первый план [18, с. 47]. Именно личные интересы для бывшего сотника Колбина оказались выше общественных.

В фондах РГАДА сохранился достаточно редкий в силу своего личного происхождения документ – челобитная посадского человека Глинкина об отдаче ему наследниками острогожского черкашенина Федора Колбина занятых у него денег 9 рублей [19, л. 1]. В описи этот документ датирован 1676 г., но это представляется не совсем верным, так как там идет речь о возврате наследниками денег, которые «острогожской черкашенин» Колбин занял у Глинкина 9 марта 1675 г. и «дал на себя заемную память». Если

бы документ был 1676 г., это означало бы, что к этому моменту Колбин умер, но нами уже приведены данные из источников 1677 г. [13, № 349, с. 725], когда он был записан в дети боярские, и 1680 г. – когда оказался среди обидчиков острогожских черкас [17, № 668, с. 1513]. Возвращать долг Колбина по версии просителя должны были его жена и сын Василий. Умер Федор Колбин в августе 1681 г. Сведения об этом сохранились в ГАВО [20, л. 1–9], поэтому, вероятно, Глинкин подал свою челобитную не ранее конца апреля 1682 г., когда умер царь Федор Алексеевич, так как в начале документа упоминаются Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич. Обращает на себя внимание размер ссуды – 9 рублей, который был почти равен годовому денежному окладу заемщика. Такая высокая ссуда говорит о высокой платежеспособности, но в то же время деньги были взяты в 1675 г. и до смерти Колбина в 1681 г. так и не возвращены.

Обстоятельства смерти Федора Васильевича Колбина сохранились в архиве отдельным делом, так как это было убийство, расследованием которого занимался полковник Иван Семенович Сасов. В августе 1681 г. полковой казак Брех убил Колбина в пьяной драке в селе Колбино – в 1675 г. рядом с мельницей на Потудани были построены дома и образовано поселение [21, с. 125]. По Соборному уложению убийцу должны были казнить, но Брех был помилован, бит батогами и освобожден из-за караула, смягчающими его вину обстоятельствами были «пьяное дело», случайный характер убийства, отсутствие умысла и отказ от исковых претензий вдовы и сыновей Колбина, старшим из которых, видимо, был Василий, который в 1681 г. служил в Острогожском полку [11, с. 138].

Угодья Федора Колбы, видимо, перешли в наследство его детям, а именно: сыну Василию, который в 1692 г. упоминается в переписке полковника Сасова с воеводой Коротояка Акимом Яковлевичем Ржевским о размежевании земель острогожских черкас и жителей Коротояка [22, л. 1–2]. Они должны были собраться в селе Колбино для размежевания и «розыску мелницы черкашенина Василия Колбинина». По источнику сложно сказать, был ли в 1692 г. Василий Колбин записан полковым казаком или сыном боярским, но сохранение за ним мельницы на реке Потудани не вызывает сомнений, вероятно и то, что остальные угодья также были переданы Василию. Переход имущества по наследству можно подтвердить тем, что в 1697 г. самым крупным помещьем в Острогожском уезде в 300 четвертей в селе Колбино владел служивший «по дворовому» сын боярский Захар Васильевич Колбин, который к тому же имел 20 четвертей в Коротоякском уезде и мельницу на реке Потудани [11, с. 30].

Справедливо можно утверждать, что владетельный острогожский сын боярский Захар Васильевич Колбин – это внук амбициозного Федора Васильевича Колбина, переселившегося в 1652 г. в Острогожск и здесь добившегося материального благосостояния. Участие Федора в земельных спорах, постройка мельницы, занятие винокурением рисуют перед нами картины повседневной жизни предприимчивого черкасского сотника, а затем и сына боярского, который не только заботился о собственном благосостоянии, но и передал его детям и внукам. Интересно, что имя Федора Колбина до сих пор сохранилось в названиях расположенного на реке Потудани села Колбино [23, с. 86] Репьевского района и Колбинки (ранее – Колбинского) [21, с. 126–127] Россошанского района Воронежской области.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Жукова С. В. «Повседневность» как категория исторической науки / С. В. Жукова // Культура и история в компаративном измерении : материалы I Всероссийского научно-методологического семинара. – Самара, 2012. – С. 148–155.
2. Гоголева А. А. Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в. : городские воеводы и черкасские полковники / А. А. Гоголева. – Воронеж, 2008. – 207 с.
3. Ляпин Д. А. От крепостей к городам : повседневные и поведенческие модели населения южнорусской крепости XVI в. / Д. А. Ляпин // История : факты и символы. – 2016. – № 2. – С. 9–16.
4. Ляпин Д. А. К вопросу о формах поведенческих моделей и структуре повседневности южнорусского общества во второй половине XVII в. (на примере Воронежа) / Д. А. Ляпин // *Filo Ariadne*. – 2017. – № 1 (5). – С. 23–36.
5. Ляпин Д. А. В интересах «мира» : формы поведения сельского населения Юга России в XVII веке / Д. А. Ляпин // *Novogardia*. – 2019. – № 1. – С. 196–209.
6. Мизис Ю. А. Социально-психологические процессы на территории южно-русского фронта в период его заселения в XVII в. / Ю. А. Мизис // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2016. – № 1. – С. 106–113.
7. Глазьев В. Н. Военная повседневность южного российского пограничья XVII в. / В. Н. Глазьев // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – № 10 (150). – С. 71–78.
8. Глазьев В. Н. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – XVII веках / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2018. – 207 с.
9. Загоровский В. П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век – начало XVIII века) / В. П. Загоровский // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма : сб. статей. – Воронеж, 1987. – С. 3–23.

10. Папков А. И. Граница России и украинских земель Речи Посполитой : формирование территории Слободской Украины в XVII в. и проблема национальной идентификации / А. И. Папков // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. – 2015. – № 4. – С. 559–563.
11. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке / В. М. Важинский. – Воронеж, 1974. – 237 с.
12. Брезгунова В. М. Переселение украинцев в Острогожск в 1652 г. / В. М. Брезгунова // Власть и общество : история взаимоотношений : материалы Десятой региональной научной конференции, Воронеж, 19 марта 2016 г. – Воронеж, 2016. – С. 29–32.
13. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 8. Акты XVII и XVIII столетий. – Воронеж, 1886. – С. 630–763.
14. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 15. Акты XVII и XVIII столетий. – Воронеж, 1889. – С. 1607–1813.
15. Камараули Е. В. Поместное землевладение на юге России в XVII веке (по материалам Воронежского уезда) / Е. В. Камараули // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2015. – № 1. – С. 76–81.
16. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. С образования централизованного государства до реформ при Петре I / А. В. Чернов. – М., 1954. – 223 с.
17. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 14. Акты XVII и XVIII столетий. – Воронеж, 1889. – С. 1426–1604.
18. Ляпин Д. А. Формы поведения сельского населения Юга России в XVII в. / Д. А. Ляпин // История : факты и символы. – 2019. – № 1 (18). – С. 41–53.
19. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 1149. – Оп. 1. – Д. 12.
20. Государственный архив Воронежской области. – Ф. И-288. – Оп. 2. – Д. 161.
21. Прохоров В. А. Вся Воронежская земля : краткий ист.-топоним. словарь / В. А. Прохоров. – Воронеж, 1973. – 367 с.
22. РГАДА. – Ф. 1149. – Оп. 1. – Д. 75.
23. Загоровский В. П. Историческая топонимика Воронежского края / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1973. – 137 с.

*Воронежский государственный университет  
Брезгунова В. М., кандидат исторических наук, преподаватель кафедры политической истории  
E-mail: bvm1792@mail.ru*

*Voronezh State University  
Brezgunova V. M., Candidate of Historical Sciences,  
Lecturer of the Political History Department  
E-mail: bvm1792@mail.ru*